

Последняя песня ЛИРника.

"Истинная история о короле Леире и его трех дочерях Гонерилле, Рагане и Корделле" рассказанная Шутом его величества между 1605 и 2016 годом от рождества Христова с комическими нотками, и трагическим аккордом.

Действующие лица:

ШУТ
ЛИР
КОРДЕЛИЯ
ГОНЕРИЛЬЯ
РЕГАНА

Картина первая.

Дикое поле покрывает снег.

Где-то вдали, из огромных сугробов торчат обгоревшие башни бывших замков, изувеченные огнем верхушки деревьев, чернеют пятна бывших деревень. Лир на длинных, грубо свитых веревках тянет за собой собранные в погребальный костер дрова (ветки деревьев, сломанные бурей). Веревки очень длинные, поэтому сначала появляется Лир, и только потом, как парашют на стопах появляются собранные дрова. Лир останавливается, снимает упряжь из веревок, обессиленный падает на колени.

ЛИР. Милое небо, сохрани мне стойкость! Не дай, не дай, не дай сойти с ума. Сердце, тише! Не подымайся к горлу, душный ком! (*Растирает снегом лицо*) В моем королевстве огонь был во всех фонарях и очагах, но он не был нужен никому. Когда огонь становится ненужным человеку, когда человек не обращает на него внимания, относясь к нему, как к чему-то обыденному, огонь начинает жить сам по себе. А уж если огонь живет сам по себе он ест все, все что может съесть, а все что не может он облизывает своим красно-черным языком... Огонь съел все, что мог, от замков до сердец, пища его закончилась, огонь ослаб, одряб, но не угас... остался жить в глазах окружающих меня людей. Искрит, танцует, жжет. (*Начинает в страхе оглядываться по сторонам*) Спрячьте, скройте свои глаза, пусть этот огонь угаснет навсегда! Холод, холод, стынь, пусть заберет себе все... но даже снег обжигает в этом королевстве. Каждый взгляд обжигает, а слово прожигает насквозь... Холод поглотил мое королевство, и глаза мои выжигает белая бесконечность... Где теперь я? И кто скажет мне... Кто скажет мне – здесь я или не я? Чей это голос? Поступь чья, скажите, глаза чьи? Это Лир или не Лир? Способность воспринять, различенья уснула, верно, в нем? – Да нет, не сплю! Скажите же мне, кто я такой!

Как испуганный заяц из-под снега выпрыгивает Шут, он несколько раз оббегает Лиру, словно волчок заворачивается в длинную веревку и укладывается на поленницу.

ШУТ. О, мой король!

ЛИР. Мой король?

ШУТ. Дяденька Лир!

ЛИР. Лир... король... король, и до конца ногтей – король?

ШУТ. На полный месяц не стриги ногтей. Примета.

ЛИР. Эй, да кто тут, кроме бури?

ШУТ. Дурак.

ЛИР. Дурак?

ШУТ. Ты, дяденька, себя им сам назвал. Но я всегда с тобой.

Лир подходит к лежащему на дровах Шуту.

ЛИР. Эх, это ты, голубчик. Узнал тебя я, верно? Ты – мой шут.

ШУТ. Принадлежу тебе я, так же, как и Луна принадлежала Солнцу, пока спало то.

ЛИР. Не пойму. Ты охранял меня?

ШУТ. Я охранял? (*Шут смеется*) Эх, дяденька... а ведь ты прав – я охранял тебя, но не оружием.

ЛИР. Ты голыми руками рвал в клочья моих врагов, зубами грыз, ногтями вырывал кадык? Не знал, что Шут мой так отважен! И если б армию таких шутов мне, то я бы покори́л весь мир!

ШУТ. Кадык мой сам ходил то вверх, то вниз, когда слюна от страха заполняла рот. А армию шутов ты, дяденька, итак собрал вокруг себя.

ЛИР. Так как же охранял меня ты, пес?

ШУТ. Тебя я словом охранял, советом, что получал я в жизни от людей, не терпящих обмана, едкой лести. Да только все мои слова, и тех, кто не желал себя вписать в шуты, послушно спины гнуть перед твоим нелепым наставленьем, летели мимо, сквозь твои уши.

ЛИР. Что ты несешь, подлец? Или забыл кто пред тобой? Уж прикажу тебя я высечь, ты не сомневайся.

ШУТ. Ну вот... опять... Хотел бы быть я кем угодно, только не шутом! То обещаешь меня высечь за то, что говорю я правду, то за то, что лгу. А иногда меня секут за то, что я молчу... Хотя, давай, приказывай, не медли, пускай секут, ведь я уже лежу.

ЛИР. Задать ему плетей, шуток пятьдесят, а лучше сто!

ШУТ. Ну, подождем...

Шут спокойно лежит, Лир озирается по сторонам.

ЛИР. Что ж не идет никто?

ШУТ. Наверно, плети потеряли... вот остолопы... сейчас найдут, и будут сечь меня, пока не намотают кожу со спины моей на эти плети. Подождем, что в океане времени минута? Песчинка, нет, минута и песчинки меньше... да только те минуты и складывают собою океан. Подождем, хотя и от ожидания усталость мозга, вместе с сердцем наступает, и начинает грызть наш разум вместе с телом, как клоп в постели бедняка.

ЛИР. Эй, стража!

ШУТ. Стража, эй!

ЛИР. Сюда немедленно!

ШУТ. Немедленно сюда!

ЛИР. Все к королю!

ШУТ. Так мы и так уж все здесь!

ЛИР. Кто? Где вы?

ШУТ. Здесь мы. Все войско что осталось в подчинении твоём – все пред тобой!

ЛИР. Ты издеваешься, смеешься надо мной, проклятый шут!

ШУТ. Нет. Лишь снова правду говорю, о мой король.

ЛИР. Ты врешь мне, врешь собака! Король и шут – компания для паршивой пьесы, комедии жалкой, что и не вызовет улыбки у людей. Как смеешь ты...

Лир бросается к Шуту, сбрасывает его с вязанки, Шут падает, раскручивается на снегу высвобождаясь из веревок.

ШУТ. Добро пожаловать на представленье, мой Король! Уверен, что впервые ты находишься не в зрителях, а в тех числе над кем привык смеяться. Что ж, это тоже опыт. Узнаешь ты теперь, как легок труд актера. Ну, рассмеши меня, о, мой Король, до слез, до коликов, до красноты в щеках и боли в сердце. Давай же, сделай так, чтоб я поверил в слова твои, и сожалел, переживал с тобою вместе, и если я поверю, то одарю тебя я щедро, если нет – помои ужин твой, а хлев вонючий – кров.

Лир какое-то время смотрит на Шута, потом медленно начинает идти по большому кругу, глядя в бескрайние заснеженные просторы, он ускоряется, делает несколько кругов и неожиданно падает на колени у самых ног Шута.

ЛИР. Прости меня, мой верный шут. Не знаю, что сказать... тебе сказать, шуту. Что почувствовать сейчас ты должен, друг мой... Король твой сломлен? Король разбит? Король-дитя, нет, беспомощнее во сто крат ребенка, что вымолвить не может и желанья своего, лишь криком разрезая воздух. Не думал я, что старость так меня настигнет. Ни Королю, ни войну не могу я пожелать судьбы своей. Вот и руки... трясутся руки, и в груди томится что-то страшное, но что... я не могу ответить. Король теперь дитя. В снегах оставил память прошлых дней, недель, и лун. Лишь что-то жжет в груди, и желчью наполняет рот обида... на самого себя. Смотрю в твои глаза, мой Шут, и не могу узнать их, лишь чувствую, что когда-то они мне добротой сверкали, и преданностью, и любовью. Но что потом, и отчего глаза твои уже не так горят, и что наделал я, чего не помню, расскажи?..

Молчишь. И мне б молчать. Дрожишь. И мне б согреться. И я дрожу, который день подряд, не нахожу пристанище я ни для тела, ни для дум своих, что раздирают мое сердце. Король до конца ногтей. Король! Не в силах был тебе признаться, но и сейчас не знаю отчего я признаюсь тебе – Король-дитя. Покорно повтори.

Пауза.

Вторь королю: Король-дитя! А ну-ка! Ну же!

ШУТ. Король-дитя...

ЛИР. Король теперь дитя, запомни!

Лир падает у ног Шута, обнимает их сворачиваясь калачиком.

ЛИР. Теперь тепло. Признание мне согревает душу. Король-дитя, как в материнском чреве, свернувшись эмбрионом теперь уснет, ему необходима тишина. Спокойствие. И тишина. Спокойствие и тишина...

Какое-то время Шут в растерянности смотрит на засыпающего Лиру, на его глазах выступают слезы.

ШУТ. Нельзя вам спать, Король, проснитесь! Морфей вас заберет в свои владенья, кто ж править будет, Шут?

ЛИР. Шуты и правят. Оглянись вокруг. А те что не были шутами, шутами станут, будь покоен. Дай уснуть мне.

ШУТ. Я не позволю! Мой Лир, вы не дитя, король вы, до конца ногтей король.

Шут пытается растормошить Лиру, поднять его на ноги.

Вставай, лишь телом ты старик! Вставай! Вставай и объяснись со мной! Король-дитя, и за тобой я вторил эти бредни! Король-дитя? Так объясни, ведь я всего лишь шут, и многого не понимаю!

ЛИР (*через сон*). Оставь. Оставь меня. Мне нужен сон. Быть может несколько часов покоя мне исправят память. Вернут на место все «зачем и почему».

ШУТ. Не понимаю я, зачем терзаешь, Лир, скажи открыто.

ЛИР. Как проще же тебе сказать? Я ничего не помню. Я дитя, что ничего не помнит, ни как родилось, как в первый раз кричало, улыбалось, не помнит и тепла руки ни матери, ни няньки. Не помню я. Не помню. Не голова, а скорлупа пустая.

Шут обнимает Лиру.

ШУТ. О бедный Лир... быть может лучше, что не помнишь ты смертей, что растворили память... твою, как растворяется в тумане силуэт.

ЛИР. Смертей я не боюсь. Я король, и я не раз на смерть подписывал приказы, и отправлял войска на смерть. Правитель иль смерть – не все ли здесь равно? Но теперь спокоен. Быть может был жесток я, но теперь исправят все три дочери мои.

ШУТ. Они мертвы.

ЛИР. Да ты глумишься надо мной, собака. Дай уснуть. Ну, а они пусть правят.

ШУТ. Они мертвы, старый ты... король, мертвы!

Шут начинает бить Лиру по щекам, чтобы тот очнулся ото сна.

Очнись, Король, очнись! Все дочери мертвы.

ЛИР. И Регана.

ШУТ. И Гонерилья.

ЛИР. Корделия, что как пташка щебетала...

ШУТ. И она мертва. Зачем тянул ты эти ветви? И я скажу, хоть горестно мне говорить. Корделии могильный то костер, земли промерзшей нам не раскопать, но упокоить нам бедняжку нужно. И сам ты мертв, Лир, дядюшка, мертвее не бывает. А я, узнавши о твоей кончине во след отправился тебе. Что за Король, да без Шута – пустышка, поэтому покорнейше служу (*отвешивает поклон*).

ЛИР. То глупый сон сковал меня, прочь, прочь кошмары!

ШУТ. Мой Лир, не сон сковал тебя, а безрассудство! Очнись, приди в себя!

ЛИР. Нет, того не может быть. Как дочери мертвы?.. Я ничего не помню! О небо, зачем же на исходе лет так мучить бедного, седого...

ШУТ. Постой, постой, Король, не убивайся. Исправим все, есть шанс у нас исправить...

ЛИР. Как время вспять ты повернешь, обманщик? О Боги, оставьте у себя меня, верните дочерей! Корделия, Регана, Гонерилья, что за отец для вас я, если...

Шут отвешивает Лиру сильную оплеуху, тот падает. Шут поднимает его за грудки, показывает детский волчок.

ШУТ. Послушай, Лир, вот волчок, он матерью моею мне подарен в последний день, когда мы виделись на ее одре. И перед смертью, она, крутив волчок забвенью отстраняла на минуту иль на две, смерть отступала, почтительно склонив в беспомощном томленьи шею. И раз за разом повторялась та минута вновь. Крути волчок, крути сильней, быть может, ты открутишь назад последних дней события сможешь. Вернешь все на свои места. Крути, крути, хотя б попробуй, другого шанса нам не даст судьба.

Лир крутит волчок, через какое-то время он останавливается.

ШУТ. ... в беспомощном томленьи шею. И раз за разом повторялась та минута вновь. Крути волчок, крути сильней, быть может, ты открутишь назад последних дней

события сможешь. Вернешь все на свои места. Крути, крути, хотя б попробуй, другого шанса нам не даст судьба.

Лир крутит волчок сильнее, через какое-то время он останавливается.

ШУТ. ... вот волчок, он матерью моею мне подарен в последний день, когда мы виделись на ее одре. И перед смертью, она, крутив волчок забвенью отстраняла на минуту или на две, смерть отступала, почтительно склонив в беспомощном томленью шею. И раз за разом повторялась та минута вновь. Крути волчок, крути сильнее, быть может, ты открутить назад последних дней события сможешь. Вернешь все на свои места. Крути, крути, хотя б попробуй, другого шанса нам не даст судьба.

Лир крутит волчок сильнее, и сильнее, вокруг волчка образуется небольшой вихрь из снега, волчок раскручивается и вихрь становится больше. Вскоре вихрь из снега скрывает собой Лиру и Шута.

Картина вторая.

Все тоже заснеженное поле. Посреди поля лежит огромная связка веток, собранных для погребального костра. Появляются Регана и Гонерилья. Они тянут друг друга за волосы, но видно, что они очень устали, и скорее держатся за косы друг друга чтобы не упасть. Гонерилья спотыкается, выпускает косу сестры из рук и падает лицом в снег. Регана отпускает косу Гонерильи и медленно идет к связке веток, садится.

ГОНЕРИЛЬЯ. Встань, Регана. Не смеешь, не смеешь сидеть на моем имуществе. Мое, мое, все мое.

РЕГАНА. Чего это все твое? Не жирно будет?

ГОНЕРИЛЬЯ. Мое! Вспомни, как отец говорил: От сей черты и по сею черту будь госпожою все лесов тенистых.

РЕГАНА. И что? Нашла что вспомнить. Это ветки просто.

ГОНЕРИЛЬЯ. Мои ветки! Будь, говорит, госпожою всех лесов тенистых.

РЕГАНА. Что ты несешь? Мне тоже отец дал не меньше... как там он гнусавил: «Даем мы эту треть страны, пространством, и ценностью, и красотой не меньше, чем Гонерильи часть». Так что заткнись.

ГОНЕРИЛЬЯ. Нет, мне он все отдал. Я госпожа всех лесов тенистых, ветки – это что? Лес тенистый. Так что ветки мои. «От сей черты и по сею черту будь госпожою...»

РЕГАНА. Тьфу-ты, заладила. А где черта? Ну-ка, давай, покажи мне?

ГОНЕРИЛЬЯ. Встань, я сказала! Я по крайней мере старшая!

Регана недовольно встает с веток. Продолжительная пауза.

ГОНЕРИЛЬЯ. Регана... Регана...

Регана не отвечает.

ГОНЕРИЛЬЯ. Реганушка... Регана, сестрица...

РЕГАНА. Да что тебе?

ГОНЕРИЛЬЯ. Я замерзла...

РЕГАНА. И я замерзла. Что с того?

ГОНЕРИЛЬЯ. Я очень замерзла. Очень-очень. Я не могу встать...

РЕГАНА (*пробуя наклониться*). А я не могу сесть. Я тоже очень замерзла, у меня суставы не гнутся.

ГОНЕРИЛЬЯ. Помоги мне встать, сестра, а то снег уж очень холодный...

РЕГАНА. А ты мне что?

ГОНЕРИЛЬЯ. Помоги, и седи себе на ветках. Даю тебе на это свое господское позволение.

РЕГАНА. А если не помогу?

ГОНЕРИЛЬЯ. Ладно, проси, чего хочешь?

РЕГАНА. Эдмунда.

ГОНЕРИЛЬЯ. Чего?

РЕГАНА. Не чего, а кого – Эдмунда. Сын Глостера, красавец. Его хочу, а ты оставайся со своим Альбани.

ГОНЕРИЛЬЯ. Ладно... полежу пока...

Пауза. Гонерилья лежит, Регана стоит. Время идет.

ГОНЕРИЛЬЯ. Регана... Регана... проси другое... Неужели ты позволишь мне так умереть?

РЕГАНА. Эдмунда. А больше мне ничего не надо.

ГОНЕРИЛЬЯ. Противная. Эдмунда, так Эдмунда. Забирай, но только подними меня.

РЕГАНА. И треть дохода от скота, что кормятся на пажитях твоих.

ГОНЕРИЛЬЯ. Будь проклята...

РЕГАНА. Что?

ГОНЕРИЛЬЯ. Будь по-твоему, хотела я сказать. Поднимай скорее.

Регана пытается поднять Гонерилью, но суставы ее не гнутся от холода. Через какое-то время, с большим усилием Регана все же поднимает Гонерилью и усаживает на дрова. Садится и сама. Так они сидят какое-то время, молча трясясь от холода.

ГОНЕРИЛЬЯ. Вот я дура была...

РЕГАНА (*улыбаясь*). Ну.

ГОНЕРИЛЬЯ. Чего наобещала-то...

РЕГАНА. Ну.

ГОНЕРИЛЬЯ. Наобещала и не выполняю...

РЕГАНА. Выполнишь.

ГОНЕРИЛЬЯ. Не выполняю.

РЕГАНА. Выполнишь.

ГОНЕРИЛЬЯ. Не выполняю.

РЕГАНА. А я говорю выполнишь.

ГОНЕРИЛЬЯ. Не-а, не выполняю.

РЕГАНА. Выполнишь-выполнишь, еще как...

Регана толкает Гонерилью в спину, та, медленно, как будто в рапиде, падает в снег. Пауза.

ГОНЕРИЛЬЯ (*из снега*). Да, ошибалась я... выполняю... Поднимай.

Регана поднимает Гонерилью.

ГОНЕРИЛЬЯ. Послушай, сестра... Нам нужно с тобой все делать сообща. Как мы и договаривались раньше.

РЕГАНА. Ну, и.

ГОНЕРИЛЬЯ. Быть за одно.

РЕГАНА. Ну.

ГОНЕРИЛЬЯ. И сможем мы тогда вдвоем всем править.

РЕГАНА. Вроде понятно.

ГОНЕРИЛЬЯ. Я приготовила тебе подарок в честь нашей дружбы.

РЕГАНА. Нормально. Давай.

ГОНЕРИЛЬЯ. Тогда клянись, что теперь мы неразлучны, и будем править вместе.

РЕГАНА. Клянусь.

ГОНЕРИЛЬЯ. ...а нет ли у тебя и мне подарка?

РЕГАНА. Допустим.

ГОНЕРИЛЬЯ. Тогда давай обменяемся в знак нашей вечной дружбы.

РЕГАНА. Ну, давай.

ГОНЕРИЛЬЯ. Вот, держи.

Гонерилья протягивает сестре флакончик, а Регана сверток.

РЕГАНА. Опять яд?

ГОНЕРИЛЬЯ. А здесь, наверное, снова кинжал? Ты становишься предсказуемой.

РЕГАНА. Кто бы говорил?

Гонерилья открывает сверток, там действительно лежит кинжал. Регана пробует из флакончика яд.

ГОНЕРИЛЬЯ. Совсем кинжал тупой.

РЕГАНА. А ты на этот раз себя превзошла, я чувствую нотки шифона.

ГОНЕРИЛЬЯ. Шалфея, дура, для горла хорошо, о тебе же думала.

РЕГАНА. Я тоже о тебе думала, поэтому и кинжал тупой.

ГОНЕРИЛЬЯ. Нам нужно сделать общий герб, чтобы кинжал и яд скрестились в нем.

РЕГАНА. Ты сейчас говоришь, как отец?

ГОНЕРИЛЬЯ. Это как?

РЕГАНА. Да, все как-то витиевато. *(декламируя)* Нам нужно сделать общий герб, чтобы кинжал и яд скрестились в нем... тьфу, неужели нельзя сказать проще: нам нужно сделать новый герб, чтобы кинжал и яд скрестились в нем. Без пафоса.

ГОНЕРИЛЬЯ. Это королевская кровь говорит во мне.

РЕГАНА. Ты всегда хотела быть похожей на отца. Поэтому в старости будешь лысая и некрасивая. Яблоня от яблока.

ГОНЕРИЛЬЯ. Яблоко от яблони.

РЕГАНА. От перемены мест слагаемых сумма не меняется. Я тоже образование получила. У тебя есть карта?

ГОНЕРИЛЬЯ. Зачем?

РЕГАНА. Предлагаю разделить ту часть королевства, что должна была достаться Корделии.

ГОНЕРИЛЬЯ. Она и так наша.

РЕГАНА. Наша то наша, но кому что достанется? У меня сильное войско, поэтому я бы хотела себе ту часть, где есть выход к морю. Я буду защищать нас.

ГОНЕРИЛЬЯ. У нас со всех сторон выход к морю! Мы в Англии, дура!

РЕГАНА. Значит, на нас с любой стороны могут напасть?

ГОНЕРИЛЬЯ. Кто?

РЕГАНА. Корделия! Корделия и король Французский.

ГОНЕРИЛЬЯ. Корделия на это неспособна. Пупок развяжется. Но на всякий случай мы везде расставим стражу. Пусть, Регана, твои войска охраняют берег нашего государства.

РЕГАНА. Тогда ты, Гонерилья, будешь поставлять продовольствие для моих войск, и обмундирование...

Незаметно для себя Регана и Гонерилья начинают плакать.

ГОНЕРИЛЬЯ. А твои солдаты будут ходить по берегу и вглядываться в море...

РЕГАНА. А твои будут готовить моим барашков на вертеле...

ГОНЕРИЛЬЯ. А твои, такие brave, будут ходить и блистать кирасами на солнце...

РЕГАНА. А твои будут наполнять моим бурдюки сладким вином...

ГОНЕРИЛЬЯ. А твои будут проводить учения, чтобы держать себя в форме...

РЕГАНА. А твои свяжут моим теплые свитера, ведь на море прохладно...

ГОНЕРИЛЬЯ. Ну почему, почему нам досталось государство, когда оно развалилось...

РЕГАНА. И нет у нас больше войска, только жалкие остатки, которые разбежались по королевству в поисках пищи...

ГОНЕРИЛЬЯ. И страну нашу поглотил снег и холод...

РЕГАНА. И голод...

Появляется Корделия, она слышит причитания сестер.

ГОНЕРИЛЬЯ. Вот так растили-растили, а когда пришло время править, так и государство развалили...

РЕГАНА. А все папаша, блажной старик!..

ГОНЕРИЛЬЯ. Насмотрелись мы на его причуды и в лучшую пору...

РЕГАНА. А все из-за его желчных капризов...

ГОНЕРИЛЬЯ. А все из-за его сумасбродства...

КОРДЕЛИЯ. А может быть во всем вы сами виноваты?

Пауза. Гонерилья и Реганарезко успокаиваются, смотрят на Корделию.

ГОНЕРИЛЬЯ. Она? Корделия?

РЕГАНА. Корделия. Она!

ГОНЕРИЛЬЯ. Ее здесь только не хватало.

РЕГАНА. Не хватало здесь, но не ее.

ГОНЕРИЛЬЯ. Регана, мне кажется на нас уже напали!

РЕГАНА. Как вероломно! Мы не успели подготовиться!

ГОНЕРИЛЬЯ. Успокойся. Ты же видишь, что она одна, а нас двое.

РЕГАНА. Поздно, я уже разошлась!

Реганас криком начинает метаться по полю, она то зарывается в снег, то запрыгнет на дрова, то прячется за Гонерилью.

РЕГАНА. Тревога! К мечам, на стены, войско!

ГОНЕРИЛЬЯ. Успокойся!

РЕГАНА. Прикрыть левый фланг! Лучники, приготовить стрелы!

(Гонерильешопотом) Это ее отпугнет!

Гонерилья ставит Регане подножку, та падает в снег.

РЕГАНА. Залечь, затаиться, выжидаем пока противник подойдет поближе.

ГОНЕРИЛЬЯ *(Корделии)*. Зачем пожаловала, сестрица? Каким ветром?

КОРДЕЛИЯ. Я лишь хочу...

ГОНЕРИЛЬЯ. Молчи!.. Я знаю твои планы.
РЕГАНА (*из-под снега*). Мы все знаем!
ГОНЕРИЛЬЯ. Решила в ноги ты отцу упасть?
РЕГАНА. Свою ошибку осознала?
ГОНЕРИЛЬЯ. Но поздно спохватилась!
РЕГАНА. Поздно.
ГОНЕРИЛЬЯ. Всегда была ты белой вороной!
РЕГАНА. Красной собакой!
ГОНЕРИЛЬЯ. Да замолчи ты!.. Не плоть от плоти ты отца, не нашей крови. В тебе же нет хребта.
РЕГАНА. Такое ощущение, что создана ты из воды – способна только плакать...
ГОНЕРИЛЬЯ. И мольбами выпрашивать все нужное тебе.
РЕГАНА. Взять все самой – вот царская закалка, вот что нас от тебя рознит.
ГОНЕРИЛЬЯ. Ты как ковыль, все гнешься перед ветром.
РЕГАНА. А мы – есть ветер! Ветер – это мы!
ГОНЕРИЛЬЯ. Мы управляем миром. В какую сторону подуем, туда пойдет народ.
РЕГАНА. Туда падет народ!
ГОНЕРИЛЬЯ. Регана, мне кажется, иль в правду мы говорим, как полоумный наш отец?
РЕГАНА. Не замечала я, сестра, чтобы стихами ты говорила, будто трубадур или трувер. Но дочери отца мы своего, и оттого совсем не странно, что от отца...
ГОНЕРИЛЬЯ. Отец!.. (*Корделия*) К отцу тебя не пустим! Хватит. Второго шанса не дает судьба.
РЕГАНА. Судьба – есть мы!
ГОНЕРИЛЬЯ. Ну, это тыхватила!.. Так вот, Корделия, перед тобой стена, которую не обойти, не переплюнуть. Так отступи, и будем благодущны – отпустим с миром.
РЕГАНА. С миром и уйдешь!

Корделия долго смотрит на сестер, улыбается. Она часто моргает и ее большие ресницы ласково отгоняют от ее лица снежинки.

КОРДЕЛИЯ. Вы как торговки с рынка – озлоблены, или пьяны? Но я не злюсь на вас, ведь я привыкла. Лучше послушайте какой песне научил меня муж!

Allons enfants de la Patrie
Le jour de gloire est arrivé !
Contre nous de la tyrannie
L'étendard sanglant est levé
Entendez-vous dans nos campagnes
Mugir ces féroces soldats?
Ils viennent jusque dans vos bras.
Égorger vos fils, vos compagnes!

Правда замечательная песня?.. Сокровища отцовы, я вас совсем не поняла, и отчего вы злитесь, и что таите от меня? Ведь все досталось вам, и правите теперь вы сами, но ухожу от вас с омытыми слезой глазами. Не забывайте – обещали вы любить отца. Когда бы не опала, его вовек я б вам не поручала.

РЕГАНА. Дочернему нас долгу не учи.

ГОНЕРИЛЬЯ. Сама учись, как улаживать супруга, который нищенкою взял тебя. Отцу умела отвечать негоже – от мужа ожидай себе того же.

КОРДЕЛИЯ. Как ни хитросплетайте ваши козни, раскроется все рано или поздно. Прощайте же. Пойду нести я мир в мир. Ой, как смешно я завернула.

*Auxarmescitoyens
Formezvosbataillons
Marchons, marchons
Qu'unsangimpur
Abreuenossillons*

Корделия уходит.

ГОНЕРИЛЬЯ. Ты видела? Ух, сколько яду в сестре родной скопилось...

РЕГАНА. Ушла она, нормально говори.

ГОНЕРИЛЬЯ. Я чего-то привыкла уже...

РЕГАНА. Но меня все-таки ее спокойствие напрягло.

ГОНЕРИЛЬЯ. Да, что-то тут не чисто, что-то она задумала.

РЕГАНА. Нужно за ней проследить. Вдруг отец сжалится?

ГОНЕРИЛЬЯ. Она всегда любимой дочкой была. Хватит. Идем за ней, и если что... хык!

Делает характерный жест руками.

РЕГАНА. Что, если что?

ГОНЕРИЛЬЯ. И если что... хык!

Делает характерный жест руками.

РЕГАНА. Не поняла.

ГОНЕРИЛЬЯ. Ух... идем за ней, и если что... хык!

Делает характерный жест руками будто сворачивает шею.

РЕГАНА. А-а-а!

ГОНЕРИЛЬЯ. Наконец-то!

Уходят.

Начинается буря.

Картина третья.

Буря в заснеженном поле. Посреди поля лежит огромная связка веток, собранных для погребального костра. На поле выкатывается Шут.

ШУТ. Король с сердитой состязается стихией: кричит ветрам, чтоб сушу свергли в море иль вздыбили гребнистую волну превыше горных гребней - чтобы мир переменялся или прекратился; Мой Лир рвет волосы седые на себе, и вихорь их, безглазо свирепея, хватает и уносит в пустоту. Всей малой человеческой своей вселенною бушует Лир и хочет большую бурю перебушевать. В такую ночь, когда по логовищам медведица с голодным сосунком итощебрюхий волк лежат притихши, он мечется в степи, простоволосый, себя кидая буре под удар. А с ним лишь я, и силуюсь короля разбалагурить, рассеять злое горе, что дочери ему преподнесли.

Появляется Лир. Он широко расставив руки сражается со стихией, как бы силясь обнять ее и задушить. Вскакивает на вязанку веток.

ЛИР. Дуй, ураган, пока не треснут щеки! Дуй! Свирепей! Ярьсь! Клубитесь, хляби земные и небесные, пока не захлебнутся флюгера на башнях! Вы, молнии - огненные вещуны раскалывающих дубы ударов, - спалите белые мои седины! Ты, всекрушающий гром, разбей в лепешку брюхатый шар земли, размолоти природы кладовую, уничтожь неблагоприятное людское семя!

ШУТ. Мой Лир, ночные звери, кому привычно рыскать среди тьмы, и те, страшась разгневанных небес, сейчас в своих пещерах затаились. Я в жизни не слышал таких громов, такого треска, плеска, свиста, воя, такого полыханья не видал, таких пелен огня... Не перенесть все это человеку.

ЛИР. Как перенесть мне то, что ты мне рассказал дорогой? О, дочери! Отца родного, что вырастил, что жизнью наградил вы гоните, и снежная пустыня теперь мой дом! И вот мой суд за то, что выкормил, пригрел я на груди клубок змеиный! Покайся, Лир! Раскайся, Лир! Прими!..

Греми же буря, хлещи, раскатывай, рази! Я не отец ни молниям, ни вихрю. Я не давал вам царств, не звал детьми. Я не виню вас - тешьтесь надо мной, одряхшим, презираемым и слабым. И все же неужель не стыдно вам с двумя мерзавками объединяться против седой и старой головы? О, это подло, по-холопы подло!

ШУТ. Кому есть где башку свою укрыть, тот башковитый малый. Крова нет у бедняка, а ему ночь коротка. Вшивый гультфик да жена - вот и вся его казна. Думать надо головой. Если думаешь ногой, не уснешь от боли - замучают мозоли.

Пока Лир спорит с небом Шут идет к веткам, и выстраивает из них подобие шалаша.

ЛИР. О, боги, боги, на землю рушащие небосвод! Пора настала тайные злодейства на божий вывести, на страшный свет. Дрожи, подлец, еще не получивший заслуженных плетей; багрянорукий трясись, убийца; трепещите, вы - клятвопреступник, и кровосмеситель, и под честной личиной интриган, злоумышлявший на людские жизни. Покайся, преступленье, разорви свои покровы и моли пощады у грозного суда... Я грешен сам, но меньше, чем грешны передо мною.

ШУТ. Ох, в бурю - с непокрытой головой! Мой государь, здесь рядом есть лачуга, она вас хоть немного защитит. Прилягте там. Эх, дяденька, уж лучше придворное переливанье из угодливого в раболепное, чем это вот дождевое обливанье. Скорей под кровлю, добрый дяденька. Эта ночь ни дурака не пощадит, ни умного.

Удар грома.

ЛИР. В мозгу моем мутиться начинает. Идем, дурашка. Холодно тебе? Я сам озяб. Ну, где эта лачуга? Нужда хитрей алхимика – умеет солому превращать в пуховики. Идем, мошенничек, идем, мой мальчик. Мой бедный шут, во мне кусочек сердца тебя жалеет.

Шут ведет Лиру в шалаш.

Идем, давай утешь меня, в том ремесло твое.

ШУТ. Ремесло мое - быть, а не казаться; верно служить тому, кто мне доверился; любить честного; внимать мудрому и немногословному. Я ношу в себе страх божий, дерусь, коли уж до драки доходит, и не ем католической рыбы.

ЛИР. Дружочек мой, скажи еще, и королю необходимо кого-то слушать...

ШУТ. А угощу-ка я вас пророчеством: когда священник не захочет денег, а дворянин - нарядов ежедневных, а пивовар водой погубит солод, а бедняка не выгонят на холод, и на кострах не вольнодумный люд, а закоснелых блудников сожгут; Когда

несправедливо не засудят, когда клеветнику житья не будет, лихварь проценты бросит вымогать, а шлюха станет храмы воздвигать, - тогда горюй, несчастная страна, последние наступят времена. Кто доживет из вас, увидят сами, такие времена настанут, что все ходить ногами станут.

Шут бережно усаживает Лиру в шалаше.

ЛИР. Дай обниму тебя, мне холодно... от мыслей.

ШУТ. Обнимай, Король! Шуту приятно, когда он слышит сердце Короля, что бьется у него под боком.

ЛИР. Спасибо, дружок, один ты у меня остался. И войско ты мое, и свита.

ШУТ. Нет, я всего лишь Шут, чье сердце кровию облито за поступки дочерей твоих. Хотя... а мне какое дело? Но если б не они, то я б сейчас спокойно спал, или плясал, или грыз баранию лопатку.

ЛИР. Тебе доверился я, верный Шут... И в этой фразе есть какая-то... судьбы зловещая усмешка: «доверился я верному Шуту». О времена, когда Король себя вручает в лихие руки насмешника Шута. Да видел кто такое? Нет, такого не бывало. Меня прости, вдруг мои речи тебя обидели, того я не хотел. Но чувствую, судьба смеется надо мной, а я покорно в твоей власти остаюсь. Говори, что делать? Как мать держа своей рукой впервые ложку сыну, как и отец, что с сыном вместе натягивают тетиву в охоте первой, учи подсказывай, веди. Я теперь послушный ученик.

ШУТ. Чему тебя научит Шут, в твои-то годы колесом ходить, иль прогибаться так, чтобы увидеть зад свой? Ведь даже этого я не достиг, иначе зад мой был бы зацелован, уж так себя люблю.

ЛИР (*смеясь*). Вот ты балбес! С тобой теплее, немного я согрелся от твоих шуток.

ШУТ. Какие шутки, дядюшка Лир, в таких моментах я всегда серьезен.

ЛИР (*смеясь*). Ну, погоди, ведь если ты серьезен, то и Король серьезен должен быть.

Какое-то время Лир пытается убрать улыбку с лица, и буквально на секунду ему это удается, но через секунду он снова начинает смеяться.

Нет, не могу, проказник!

ШУТ. Да, быть серьезным очень серьезное дело!

ЛИР. Ну, ладно. Скажи мне, что дальше делать нам, как быть?

ШУТ. Ох, если б знал ответ я. Могу лишь предложить отматывать назад все дни, пока в утробе матери не сможешь ты крутить волчок.

ЛИР. Так далеко?

ШУТ. Шучу я.

ЛИР. Не до шуток мне, приятель. Ты дай совет младенцу-Королю.

ШУТ. Крути волчок, чтобы пред нами Реганы замок, что отдал ты ей во владения, засиял. И если все исправить хочешь, то будь с ней ласковым, таким отцом-пушинкой. Да ты и так уж сед. Попробуй в ней разговорить те чувства, что ребенку итак понятны: доброта, и милосердие, и почитание родителей своих.

ЛИР. Но не ребенок уж она.

ШУТ. В том вся беда, мой Лир! Пускай же, как тебя волчок назад уносит, твои слова ее вернут в то время, когда она была невинною девчушкой, что плакала над задавленным жучком. Дитя - чистос рожденья, на том сыграй ты!

ЛИР. Но это не игра!

ШУТ. С твоим-то нравом, дядюшка, тебе придется поиграть. Тебя я знаю, нетерпим ты к любому слову, что тебе не по нутру. Так что держи себя в оковах, будь благоразумен.

ЛИР. Я понял все. Спасибо. Во всем я сам виновен, и мне все исправлять.

ШУТ. Держи волчок.

ЛИР. Трясутся руки. Крути же сам?

ШУТ. И в прошлое вернемся мы мое? Уж нет, Король, вся эта пьеса разыгрывается для тебя. Крути не бойся. Крути, с той силой и желанием, что тебя переполняет вернуть всех дочерей под теплое отцовское крыло. Крути же, Лир!

Лир раскручивает волчок, вокруг волчка образуется небольшой вихрь из снега, волчок раскручивается и вихрь становится больше. Вскоре вихрь из снега скрывает собой Лиру и Шута, он поднимает ветки в небо, крутит их под облаками и с силой бросает их на землю.

Картина четвертая.

Заснеженное поле. Ветки, рухнувшие с неба упали таким образом, что очертанием своим представляют замок, на одной из башен которого появляется Регана. У стен «Замка» появляются Лир и Шут.

ЛИР. Регана... дочь...

ШУТ. Пойдите, мой Король. Позвольте мне сперва разведать, что за настроенье у дочери твоей. Ты, дядюшка, отойди пока в сторонку. Я знак подам, когда она в расположенье духа придет, а ты... а ты уж тут как тут!

Лир отходит в сторону, прячется за сугробом. Шут подходит к башне, покрывает голову капюшоном.

ШУТ. С рассветающим днем тебя, сударыня. Где бы лошадей нам поставить? РЕГАНА (*свирепея*). Сударыня... ладно, пуцу мимо ушей. (*Шуту*) Не вижу лошадей. А если есть - в болото ставь.

ШУТ. Прошу, будь другом, подскажи.

РЕГАНА. Ты мне не друг! Не жди от меня милости.

ШУТ. Хоть с кем я говорю? Тебя не знаю.

РЕГАНА. Зато таких как ты я знаю точно! Ах ты подлец, шаромыга, подбирала объедков, чванливая, убогая, пустоголовая, трехливрейная, грязно-шерстяно-чулочная сволочь, бледнопеченочная кляузная мразь с грошовым сундучочком за душой, в зеркальце глядящаяся, свехуходливаяшельма, готовая и сводничать, чтоб госпоже потрафить; лезешь в дворянчики, помесь ты труса и нищего жулика с бордельным служкой, сын ты и наследник подзаборной суки, - и я тебя визжать и выть заставлю, если отречешься хоть от единого из этих своих титулов. И ошибаться я не могу, запомни!

ШУТ. Ха, ошибиться каждый может, не говоря уже о бабе!

РЕГАНА. Бабе? Ты бабою меня назвал, гнусавый прощельга? Перед тобою - завитая гнида... ой, не так хотела я сказать. Перед тобою, завитая гнида, герцогиня земель, что за три дня пути увидишь ты в любую сторону скакавши! Каким же наглцом надо быть, чтоб делать вид, будто ты не признаешь!

ШУТ. О, простите, не признал. Быть герцогиней земель, что кроме снега ничем не уродят - тяжелый труд. И он оставил отпечаток на лице твоём!

РЕГАНА. Что? Да как ты, сволочь, смеешь рот разевать с такими-то речами?

ШУТ. О, милая Регана, это просто шутка! (*снимает капюшон*) Ведь Шут я твоего отца. Узнала? Прости, но так судьбой прописано, что должен я шутить и развлекать.

РЕГАНА. Ты, мразь трусливая, - ты не создание природы. Портной тебя состряпал.

ШУТ. Как это - портной?

РЕГАНА. Именно портной. Самый неопытный каменотес или маляр сработал бы его не так паршиво.

ШУТ. Регана, зачем бранишь меня, ведь были мы друзьями, ты вспомни, как мы вместе...

РЕГАНА. Нет в мире ничего несовместимей, чем я и ты! Шутить он вздумал. А над кем? Я покажу тебе, как надо мной шутить! (*кричит в сторону*) Колодки принести сюда живей! (*Шуту*) Ты, заскорюзлый хам, седой бахвал! Я научу тебя!

ШУТ. Стар я учиться. Я послан королем. Забить меня в колодки - это значит дерзко и зло унижить короля.

РЕГАНА. Колодки - живо! И клянусь я, ты просидишь в них до полудня. Нет! Мало! До вечера. Нет, и всю ночь.

ШУТ. Да будь и псом я вашего отца, негоже и со псом так поступать бы.

РЕГАНА. Со псом негоже, а с отцовским хамом можно. Эй, колодки где? Ну, что за королевство, все самой!

Регана сбрасывает с башни колодки, сделанные из толстых веток.

ШУТ. Не надо, умоляю вашу светлость. В колодки сажают лишь презреннейших бродяг, воришек мелких, и король почтет за оскорбление, коль с его посланцем так обойдутся.

РЕГАНА. Не твоя печаль. Ну, живо надевай колодки! Не видишь жду!

ШУТ. Эх, устал я. Посплю, а после посижу да посвищу. Протерлись локти у моей удачи – ну что ж, бывает. Фортуна, поверни ты колесо - и улыбнись мне снова!

Шут надевает на себя колодки.

ШУТ (*Регане*). Ну, вот и все готово. Доброго вам дня! (*про себя*) Король, король, попал ты, по присловью, из божьего тепла на ветерок.

Из-за сугроба появляется Лир.

ШУТ. Здоров будь, благородный государь!

Регана замечает Лиру и прячется за стену.

ЛИР (*Видя колодки*). Ты что? Иль королевскому шуту весь этот срам в забаву?

ШУТ. Нет. Коней привязывают за голову, собак и медведей - за шею, маргышек - поперек живота, а людей - за ноги. Когда человек распалится, раскочерится, его околождают деревянными чулочками.

ЛИР. И кто посмел тебя забить в колодки?

ШУТ. То дочь твоя – Регана.

ЛИР. Нет, нет, она б не сделала такого.

ШУТ. Да вот же, сделала.

ЛИР. Юпитером клянусь, быть не могло.

ШУТ. Юноною клянусь, могло и было.

ЛИР. Она бы не посмела, не могла б, не стала бы - ведь это оскорбление хуже убийства.

ШУТ. Пока туга мошна, и дети уважают. Оборван старина – пинками провожают. Богатому – судьба, а бедному - труба. Но не тужи, дяденька, тебе от дочек столько фунтов лиха достанется, что куда твоим богачам.

ЛИР. О судорога темная, уймись! Не подымайся к сердцу, исступление. К себе уйди, в нутро. Где эта дочь?

РЕГАНА (*из-за стены башни*). Дочь ваша примет вас, но после, они изволили сейчас опочивать, погоды нынче, е-мое, и оны приболели, и говорить не могут.

ЛИР. Устали? Ночь не спали? Приболели? Не могут говорить со мной? Все вздор, увертки, знаки неповиновенья. Другой ответ мне нужен. Проклятие! Чума, и кровь, и смерть! Король желает видеть дочь свою! Желает видеть дорогую дочь отец державный. Ты им до-ло-жил?

РЕГАНА (*из-за стены башни*). Доложил. Да только ей, быть может, и впрямь неможется.

ШУТ. Когда болеем, нам не до послушанья; вместе с телом и дух страдает. Надо снисходить к недужному, не путать со здоровым, не торопиться.

ЛИР. Да, да, снисходить к недужному, не путать со здоровым... (*Шуту*) Дьявол, не могу тебя я видеть! Зачем же Шут в колодках? Это верный признак, что и усталость, и болезнь - все ложь... Эй, ты, на башне, ступай скажи ты герцогине, что я желаю с нею говорить - сейчас, немедля. Если не придет, бить в барабан велю у двери в спальню, покуда сна их насмерть не забуду.

ШУТ (*Лиру*). Уладить бы все лаской.

ЛИР. Сердце, тише! Не подымайся к горлу, душный ком!

Регана появляется на стене башни, пытается сделать величественный вид.

РЕГАНА. Рада видеть вас, ваше величество.

ЛИР. Верю, что рада. Ты мне дочь. Иначе я бы гробницу матери твоей отсек, отторг от сердца, как могилу прелюбодейки.

ШУТ. Спокойней, государь, мы здесь за миром.

ЛИР. Регана, ты кротка, ты на жестокость не способна, глаза твои светлы. Ты не лишишь меня утех, не станешь скаредничать и перечить, и двери предо мною не запрешь. Ты не забудешь обязательств чести, учтивости и благодарности; Ты помнишь ведь, что я тебе отец и что тебе полкоролевства отдал.

РЕГАНА. Прошу вас, будем ближе к делу, сэр.

ЛИР. Кто приказал в колодки? Ведь не ты ж, моя Регана?...

РЕГАНА. Да, я посмела, я приказала. Мне эти земли сам ты дал в наследство, и в этих землях управляю я!

ЛИР. Регана, ты не могла...

РЕГАНА. Я, государь мой. Но его буянство заслуживало горшего. Отец, вы немощны; согласно с этим себя ведите. И почему вы здесь? Еще ведь срок тот не истек, как мы договорились, что у сестры вы проживете месяц, а вы уж у моих ворот. Вы у сестры до срока доживите, наполовину свиту сократив, а уж потом прошу ко мне. Теперь я не располагаю возможностями, чтобы вас принять.

ЛИР. На половину свиту сократить? Да как же?

ШУТ. Это что ж, меня располовинить?

РЕГАНА (*не слушая их*). Вы стары, сэр, и ваше естество уже подходит к последнему пределу; здесь нужны разумные опекуны, которым немощь ваша ясней, чем вам самим. Пожалуйста, вернитесь к Гонерилье, признав неправоту свою.

ЛИР. Прощенья просить? Как это будет нам к лицу?

ШУТ (*Становясь на колени*). "Дочь дорогая! Признаю, что стар и потому не нужен. На коленях прошу одежды, хлеба и угла".

Шут дергает Лиру за платье, тот падает на колени рядом с Шутом.

ЛИР (*Шуту тихо*). Не понимаю я, мой Шут, не помню! Ты объясни, о чем мне дочь толкует? Каких полсвиты, и неужели меня изгнала Гонерилья из стен своих, своего ж отца?

ШУТ (*Лиру тихо*). Эх, Король-дитя, ты сам уехал не выдержав обиды. Пол свиты – это мелочь! Теперь один лишь я остался у тебя.

ЛИР. Мне кажется я вспоминаю...

РЕГАНА. Сэр, не паясничайте. Перестаньте. (*сложив руки рупором, говорит голосом как из мегафона*) Прошу вас встать с колен, и вернуться к Гонерилье. Повторяю, прошу вас встать с колен и вернуться к Гонерилье.

ЛИР. Ни за что! Она разогнала мои полсвиты, глядела злобно, жалила словами в самую душу. Мщение небес да поразит ее! Да изувечит в ее утробе будущих детей! Молнии, ударьте и выжгите надменные глаза. Дохните гнилью, гиблые болота, и отравите красоту ее.

РЕГАНА. О небо милостивое! Вот так же вам вздумается и меня проклясть.

ЛИР. И не стыдишься ты на седину мою глядеть, Регана?

РЕГАНА. В чем преступление мое? Не все вина, что кажется виной блажному старческому слабоумью.

ЛИР. О грудь моя, ты чересчур крепка, когда такое выдержать способна. Дочь моя, и ты меня не примешь? Ты говоришь, нет, требуешь к ней воротиться? Нет, я скорей оттрину всякий кров, лицом к лицу схлестнуся с непогодой, в товарищи взяв волка и сову... О, я в тисках судьбы! - Вернуться к ней? Я раньше в холуи наймусь к паскудному ее лакею.

РЕГАНА. Как вам угодно, сэр. Но не ждала я вас и не в силах дать приема надлежащего. Вернитесь к сестре, отец. Сквозь ваши гнев и страсть проглядывает старость, слабость..., впрочем, сестре самой все было ясно.

ЛИР. Ты всерьез?

РЕГАНА. Еще бы не всерьез. Вы просили полсотни свитских разместить и месяц кормить их задарма – зачем? А пятьдесят зачем? Да ведь на них не напасешься, да и опасно. Как в одном доме ужиться двум разноначальным свитам? Почти невысказано. Когда ко мне вернетесь через месяц, то попрошу со свитой не больше чем из двадцати пяти, во избежание возможной свары.

ЛИР. Я вам все отдал...

РЕГАНА. Сделали умно.

ЛИР. Себе единственно оставив свиту из сотни человек. Сказала ты, что примешь двадцать пять? Я понял верно?

РЕГАНА. Да, двадцать пять. Ни человеком больше.

ШУТ (*про себя*). Недоброе нам кажется добрей, когда сравним его с еще сквернейшим.

РЕГАНА. Послушайте, а двадцать пять зачем вам? Нужда какая в десяти, в пяти, когда обяжем мы две сотни слуг служить вам? Да и в одном нужда какая?

ШУТ. Ну, это вы хватили, бывает и один за тысячу сойдет – из тысячи один в нужде поможет.

ЛИР. О-о, не толкуйте вы мне о нужде! Лохмот последний на последнем нищем уже избыточен. Сведи, Регана, потребности к тому лишь, в чем есть природная нужда, и человека низведешь до зверя. Ты - леди. Эта роскошь на тебе нужна природе? Твои шелка не греют даже... Нет, в чем нужда моя - это в терпенье. О, дайте мне терпенье, боги. Вот пред вами я стою, бедняк, хлебнувший старости и горя. Пусть это вы у дочерей моих ожесточили сердце. Но хотя бы не обращайтесь в тряпку вы меня. Зажгите душу мужественным гневом, не допустите щеки запятнать водой соленою, оружием женским. Нет, ведьмы, нет! Я отомщу вам так, что вся земля... Я сотворю такое... еще не знаю, что... Но дрогнет мир. Вы думаете, буду плакать я? Нет, плакать я не буду. Причина есть для слез; но прежде сердце все изорвется в лоскуты, чем я заплачу. Шут, меня сведут с ума.

ШУТ. Вот, мой государь, отдадим тебя в науку к муравью, он тебе втолкует, что в мороз поздно копошиться. Ты ведь не слепой, глаза у тебя есть; и нос есть - должен чувствовать, что дерьмом дело пахнет. Когда большое колесо катится с горы, не держись за него, а то шею сломаешь. Вот когда в гору катится, скорей хватайся, чтоб и тебя втащило за собой. Получишь от мудреца совет разумней этого, тогда вернешь мне мой - пускай дурачьему совету одни жулики следуют...

ЛИР. Беда. Густеет ночь. Лютует ветер в степи, где не укрыться. Ни куста на много миль кругом.

ШУТ. Крути волчок, уйдем от бури. Злая будет ночь.

Шут отдает Лиру волчок.

ЛИР. Уж ладно, дочка. Я обойдусь как есть. Прощай. Нам больше не встречаться. Но все-таки ты дочь, ты кровь моя – или, верней, болезнь в моей крови, нарыв на теле, язва, гнойный веред. Но я не буду клясть тебя, стыдить – стыд сам придет – и призывать не стану на голову твою грома небес. Кайся, когда захочешь. Время терпит.

Лир раскручивает волчок, вокруг волчка образуется небольшой вихрь из снега, волчок раскручивается и вихрь становится больше. Вскоре вихрь скрывает собой Лиру и Шута. Вихрь подхватывает замок, поднимает его в небо, крутит под облаками и разламывает его. На землю с грохотом падают уже простые высохшие ветви.

Картина пятая.

*Заснеженное поле. Посреди поля толстым ковром лежат ветви.
Из-под ветвей слышны голоса.*

ЛИР. Дышать, как тяжело дышать... Она коршунным клювом расклевала здесь. Мне тяжело говорить... О моя Регана! Сдавило грудь... дышать... Я чувствую, что эта ночь возьмет меня в свои объятия, укроет от промерзших глаз Реганы, от ее слов, что режут сердце остриями отколовшегося льда, и сам я стану холоден... дышать... я задыхаюсь в снежной крошке, сдавило грудь... дышать... О боги! Покидаю этот мир и перед вашим ликом всемогущим смиренно отрешаюсь от мук. Когда бы мог и дальше их терпеть, не возроптав на вашу необорность, существованья чадному огарку я дал бы дочадить.

Из-под ветвей появляется Шут. Пытается разыскать откуда идет голос Лиры, раскидывая и переворачивая ветви.

ШУТ. О, потерпите, дяденька Лир. Я вас достану, мне только отыскать откуда ты скулишь. Сейчас, дай мне секунду, и все будет готово!

ЛИР (*из-под ветвей*). Оставь меня, дружочек. Ты славно отслужил, и будь покоен – тебя я добрым словом буду вспоминать на небесах, просить богов, чтобы попозже мы встретились с тобою.

ШУТ (*про себя*). Кто лишь из выгоды служил, тот - буря ли, беда ли - вещички бранные сложил, и поминай как звали. А я останусь. Ни шута! Пусть умник удирает и превращается в плута. Шут чести не теряет. (*Лиру*) Не может мертвый снова умереть. Так что вставай, Король, ведь дело не закончено, есть шанс еще, есть дочери еще, а времени – вся бесконечность, и маленькая тележка.

ЛИР (*из-под ветвей*). Неужели мне и умереть нельзя. Хоть та утеха у горести была, что можно в смерть уйти от произвола... Нет, не могу, и нет желанья.

ШУТ. То старость у тебя берет свое, но ты ведь крепкий малый. Зачем сдаваться на пол пути? Вставай.

Шут наконец-то отыскал Лиру и вытаскивает его из-под веток.

ЛИР. Постой, постой, дай отдышаться. Мне нужно время, чтобы кровь моя смогла по венам снова бегать... свернулась кровь, от яда дочерей...

ШУТ. Ну, посиди, а я пока задам тебе загадку, чтоб и в мозгах твоих движенье началось. Угадай, дяденька, кто спятил - дворянин или крестьянин?

ЛИР. Король спятил, король!

ШУТ. Нет, спятил крестьянин - купил сыну дворянское звание; надо ума лишиться, чтоб детей поставить над собой.

ЛИР. Ты где выучил это, дурак?

ШУТ. Да уж не в колодках, дурак.

ЛИР. Все потешаешься, голубчик? Глумись, глумись над старостью балбес, и пусть тебе такого в жизни не испытать во век. Такого и врагу не пожелаешь.

ШУТ. Твоя правда, не хотел бы я оказаться на твоём месте. Осталось мне поклониться судьбе, благодарить и бить челом.

ЛИР. За что ж? За то, что Шут ты?

ШУТ. За то, что из Шутов не выходили в люди! Проста жизнь у бедняка от того, что сам он прост. У богатого проблем с его самый рост! Ну, что, дядюшка, передохнул?

ЛИР. Да, отдышался малость.

ШУТ. А теперь за работу. Вот увидишь, вторая твоя дочка встретит тебя родственно; хоть одна с другой схожи, как с румяным яблоком зеленая кислица, но уж я что знаю, то знаю.

ЛИР. Что же ты знаешь, сынок?

ШУТ. Да что оскомина от обеих будет одинаковая. А для чего нос вклеен посредине лица, угадай.

ЛИР. Для чего?

ШУТ. Чтобы глаза с обоих боков носа были – чего человек не разнюхает, он сможет рассмотреть. А знаешь, как устрица свою раковину строит?

ЛИР. Нет.

ШУТ. И я нет; зато знаю, зачем улитке домик.

ЛИР. Зачем?

ШУТ. Чтоб голову в нем прятать - а не затем, чтоб дочерям отдать и оставить свои рожки без покрывки. А вот загадка: почему в Большой Медведице только семь звезд? Ух, и по занятной же причине!

ЛИР. Потому, что не восемь?

ШУТ. По тому по самому. Толковый бы из тебя дурак вышел. Был бы ты, дяденька, у меня в шутах, сек бы я тебя да приговаривал: "Не старься раньше времени, не старься".

ЛИР. Это как же?

ШУТ. А так, что не старься, пока мудрости не нажил.

ЛИР. Милое небо, сохрани мне стойкость! Не дай, не дай, не дай сойти с ума...

Лир какое-то время смотрит на Шута, отворачивается, сжимает кулаки.

Силой, силой верну! Дьявол неблагодарности!

ШУТ. Нет, Король, так не пойдет, силой и дурак вернет. Да, и где же та сила у тебя? Хорошо же войско: королевский дурачок верхом на трухлявом пне!

ЛИР. Почему на пне?

ШУТ. Потому что ты, как трухлявый пенёк, мой Король! Все сыпешься, и ломаешься, кинь тебя в костер, так от тебя и углей не останется. А хорошее полено ночь согревать будет! Ладно, согласен, сравнение так себе.

ЛИР. Так что ж ты предлагаешь, милый Шут?

ШУТ. Ох, мой Король, и как бы глупо не звучала эта фраза – назад идти!

ЛИР. Вот предложение от настоящего Шута. Назад идти, когда вперед, галопом, голову сломя стремятся все? Ну, Шут, меня ты рассмешил.

ШУТ. Да только не смеешься ты! Крути волчок, вернемся к Гонерилье. И там же мягкими речами ее ты норов усмиришь. Ты разобьешь тот лед, что сердце ей сковал, растопишь в воду, что из глаз ее польется на грудь твою.

ЛИР. Уже я ни во что не верю. Уж и ни верю я словам твоим. Предчувствие меня одолевает, что с Гонерильей не случится ничего.

ШУТ. Из ничего и будет ничего! А ты, Король, попробуй! Пустой кошелек потерять не страшно!

ЛИР (*после паузы*). В последний раз я слушаю тебя. Хватит. Натерпелся. Уж лучше я сокроюсь от глаз людских на веке, в лесах, в болотах, в выжженных степях. Уйду я к волку в пасть, к медведю, к рыси, что бродит в поисках добычи на обед, чем еще раз стерплю от дочек унижение.

ШУТ. Здесь все зависит только от тебя. Подумай, ведь дочери на нрав твой горделивый все пеняют, характер твой не мед, не патока, что склеит... губы. Будь милостив, и добр с Гонерильей, припомни годы детские ее, когда ты на руках ее качавши ей песни пел, и улыбалась дочь в ответ.

ЛИР. ...она была такая озорница, пацанкой бегала по замку, и во дворе держала деревянный меч с мальчишка на равных... «Отец, хоцю участвовать в тульниле, я лыцалем желаю быть»...

ШУТ. Вот твой турнир последний, мой Король! Крути волчок, и проиграть не смей же, ведь борешься с самим собою. Характер свой смягчи, и словно пикой коли ей прямо в сердце словом добрым! Крути волчок!

Лир раскручивает волчок, вокруг волчка образуется небольшой вихрь из снега, волчок раскручивается и вихрь становится больше. Вскоре вихрь скрывает собой Лиру и Шуту. Вихрь подхватывает ветви, поднимает их в небо, крутит под облаками и с силой бросает их на землю.

Картина шестая.

Заснеженное поле. Ветки, рухнувшие с неба упали высоким частоколом окружающим замок. Появляется Гонерилья, она проверяет частокол на прочность, остается довольна.

ГОНЕРИЛЬЯ. Час от часу не легче. Днем и ночью жди от него опасных фортелей. Он мне мутит весь дом. С меня довольно. Буянят его рыцари. Он сам из-за безделицы готов скандалить. Вернется он с охоты - я к нему не выйду. Хватит. Скажу, что я больна. Он едет. Слышно, как трубят рога... Так, понебрежней будь, и поусталей. А не понравится ему, к сестре пусть едет. Мы с ней в этом заодно и помыкать собою не позволим. Отдавши власть, владычить захотел. Нет, к этим старым дурням, впавшим в детство, построже быть - единственное средство.

Появляются Лир и Шут.

ЛИР. Обедать, обедать немедля, уж дочь нас угостит. Давай-ка посмотрим на что ты способен.

ШУТ. Язык за зубами умею держать, скакать верхом и бежать бегом, без затей пересказать затейную историю и без пощады резать правду-матку. Я гожусь на все, на что годны простые люди, и главный мой козырь - усердие.

ЛИР. Доложи дочери, что отец любимый приехал. Да, поди распорядись, чтоб обед подавали.

Шут идет к частоколу, пытается раздвинуть колья, но у него ничего не получается. Шут прыгает, уцепившись за частокол, он подтягивается вверх, желая перелезть через него, но появившаяся сверху Гонерилья бьет его по рукам, Шут падает.

ГОНЕРИЛЬЯ. Эй, Шут, скажи, что государя дочка не здорова. И видеть никого не хочет... (*исчезает, но через секунду возвращается*) Сто рыцарей держать! Губа не дура! Лишь не хватало разрешить ему сто рыцарей иметь во всеоружье, чтоб по любому поводу пустому, по вздорной жалобе, с капризу, с бреду он мог призвать их мощь - и наша жизнь на волоске повисла бы.

ШУТ. Преувеличиваешь ты опасность.

ГОНЕРИЛЬЯ. Предпочитаю устранить ее, - это лучше, чем слишком быть доверчивой, и жить под страхом. Знаю, чем он дышит.

ЛИР (*Шуту*). Что там ты копошишься? И почему дочь не выходит, моя принцесса, облачко мое?

ШУТ. Мне перемены в вас по нраву, и доброта, и искренность твоя. Но, по суждению моему, ваше величество не встречает здесь должной учтивости и угождения. Молю простить меня, Король, уж если ошибаюсь. Но долг молчать мне не велит, когда я вижу для вашего величества обиду.

ЛИР. С недавних пор стал замечать я вялость этакую, небреженье, но не как намеренную неучтивость расценил, а отнес скорей на счет собственной моей мнительности. Что не померещится старику, ведь правда? Но дочь есть дочь, она родителя почитает, как почитает и ее отец. Ступай скажи дочери, что хочу с нею говорить. Да поласковой!

Шут снова идет к частоколу, прыгает, и мгновенно получает удар по рукам от Гонерильи, падает.

ШУТ. А без рукоприкладства можно?

ГОНЕРИЛЬЯ. Тебе ногоприкладства захотелось, падаль? Вставай, и брысь отсюда! Я тебя выучу манерам. Брысь! Или опять хлопнуться желаешь? Чего стал столбом? Последние мозги отшибло? Брысь, говорю!

ШУТ (*про себя*). Да, не вставай на сторону того, чья фортуна задом повернулась. Умей с улыбочкою флюгерить, иначе живо на ветру закоченеешь. (*Лиру*) Чтоб тебе служить, большим надо быть колпаком. Эх, дяденька! Вот бы мне два колпака да двух дочерей!

ЛИР. Ну и что бы ты, дурашка?

ШУТ. А то, что, отдавши бы им все добро, я колпаки оставил бы себе - уж околпачил бы себя по всей форме. Вот тебе мой, а второй проси у дочки.

Шут отдает свой колпак Лиру.

ЛИР. Пусячок твой совет. Горек ты, шут.

ШУТ. Я же за него денег не прошу. Я ходатай даровой. Дяденька, а из ничего барыш бывает?

ЛИР. Нет, дурашка. Из ничего не бывает ничего, сам говорил.

ШУТ. А сказать тебе разницу между горьким шутком и горьким дураком?

ЛИР. Скажи.

ШУТ. Тот, по чьему совету ты земли раздарил, - колпак ему за это! Он тяжело надурил. Мы двое стоим тут: законный горький шут и горький наш дурак, из колпаков колпак.

ЛИР. Ты меня дураком зовешь?

ШУТ. Остальные свои звания ты роздал, а уж этого врожденного у тебя не отнять.

ЛИР. А не плетки ли ты хочешь отведать?

ШУТ. Тише, тише, дядюшка, я не боюсь. Ведь договаривались мы, что будешь кроток ты, послушен, добр. *(Поет)*

К шутам такие времена!

Вконец перемудрили

Все мудрецы - и у меня

Дурачий хлеб отбили.

ЛИР. С чего, дурашка, так распелся?

ШУТ. С того, что вижу, как ты к своим дочкам пошел в сыновья. Когда вручил ты им розгу и спустил с себя штанцы,

(Поет.)

Они заплакали от счастья,

А я запел с тоски -

Ведь сам король, наскуча властью,

Подался в дураки.

Найми, дядя, учителя - пусть учит твоего шута лганью. Надо лгать обучиться.

ЛИР. Ну, все! Молчи. Как будто ты унижить меня хочешь перед дочерью моей?

ШУТ. А где же дочь?

ЛИР. Нет, это ты мне скажи, где же дочь? Ты звал ее?

ШУТ. Уж сам ее зови, отеческое слово милее и весомей слов шута!

ЛИР. Прав ты! *(подходя к частоколу)* О дочь моя, о Гонерилья! Отец твой обращается к тебе с любовью. Предстань перед отцовы очи?

Удивленная Гонерилья показывается из-за частокола.

ГОНЕРИЛЬЯ. Чего, папаша?

ЛИР. Здравствуй, дочка. Чего бровь насупила? Часто ты стала хмуриться.

ШУТ *(про себя)*. Молодец ты был раньше - чихать тебе было на ее хмурость. Все роздал, а теперь - шалишь. Остался голенький, как шиш.

ЛИР *(Шуту)*. Молчи, блажной! *(Гонерилье)* Чего ж ты дочка так грустна? Скажи мне, как отцу. Нет, как товарищу скажи, что так расстроило тебя. Ужели я?

ГОНЕРИЛЬЯ. И вы, и этот ваш разнузданный дурак, и прочие из вашей буйной свиты. Всех задирают, вздорят что ни час и непереносимо дебоширят. Я думала, мне стоит вам сказать, и должный восстановите порядок, но начинаю опасаться, судя по вашим и поступкам, и речам, что с вашего прямого поощренья все это безобразие творят. Пусть даже так - виновных и тогда ждет осуждение и наказание; Но уж простите - в ревности своей о благосостоянье государства мы можем нанести обиду вам, которую сочтет необходимость благоразумным действием.

ШУТ. Понятно, дядя? Кормил свиристель кукушонка все лето, а тот его - тюк! - в благодарность за это. Погасла свеча, мы остались в потемках.

ЛИР *(сурово)*. И вы - дочь наша?

ШУТ. Сдержись же, Лир, попомни зачем пришли мы!

ЛИР *(ласково)*. И вы – дочь наша? Наше милое создание, что светит ярче солнца и луны, теперь грустна, что тучка, которая на свет дождичком разродиться хочет?

ШУТ. Это успех! Кричал бы браво, если б дяденька, ты предо мною такую комедию ломал.

ГОНЕРИЛЬЯ. Полно, сэр. Пора вам бросить шальные причуды, обезображивающие вас, и рассудительность былую вспомнить.

ШУТ. Славно яйца курицу учат - на зависть петухам. Ай да яйца! Здесь даже осел заметит, когда повозка, тащит за собой лошадь.

ЛИР. Кто скажет мне - здесь я или не я? Кто знает здесь меня? Нет, я не Лир! Чей это голос? Да разве Лир так говорит? Так ходит? Это Лир или не Лир? Иль ослабел его рассудок? В летаргии ум? Как? Я не сплю? Да нет, не сплю! Скажите ж мне, кто я такой.

ШУТ. Тень Лири.

ЛИР. Нет, не сдержусь, ведь мне невыносимо терпеть от дочери подобные слова. За что? Все клевета, меня считают сумасшедшим, как будто выжил я из своего ума!

ШУТ. Терпите, Лир, и больше улыбайтесь. Купить улыбкой нужно вам ее расположение, как и она обманом когда-то купила ваше.

ЛИР. Нет. Я знать хочу; ведь память и рассудок и знаки королевские мои - все лжет мне, все старается уверить, что у меня есть дочери.

ШУТ. Которым хочца от отца добиццапослушаньица. Терпи, иль потеряешь все!

ЛИР (*меняясь, ласково*). Как вас зовут, сударыня?

ГОНЕРИЛЬЯ. Недоуменье это напускное новейшим вашим выходкам под стать. Я вас прошу понять меня, как должно: почтенной старости приличен разум. Вы держите сто свитских при себе - сто свинских дебоширов, горлопанов, которые наш двор преобразили не то в заезжий двор, не то в кабак - в бордель какой-то. В царственном дворце теперь царят обжорство и распутство. Это бесстыдство надо прекратить. И я пока *по-доброму прошу вас* урезать свиту чуточку, оставить только тех, кто к вам подходит по возрасту, кто знает, как себя вести и что потребно старцу на покое.

ЛИР (*не сдержавшись*). О дьявольщина! Выродок, зачем ты мне нужна? Ребенок должен уважать своих родителей их почитая старость, а ты мне тем пеняешь!? Беда тому, кто кается, да поздно. Неблагодарность, бес каменносердый, ты пялишься из дочери моей мерзей морского гада!

ШУТ. Не гневьтесь...

ЛИР (*Шуту*). Нет, поздно! И если не скажу, то сердце остановится мое, хотя оно и так разбито (*Гонерилье*) Ты лжешь, стервятница. Моя дружина - отборнейший и редкостный народ, кому до тонкости известна служба, кому всего дороже долг и честь. О малая, ничтожная вина, как ты тяжка в Корделии казалась! И тяжестью своей, как рычагом, душевный строй мой переверотила и выжала из сердца всю любовь и обратила в желчь. О Лир, Лир, Лир! (*Бьет себя по голове*) Бей в дверь, впустившую к тебе безумье и выгнавшую ум!.. Услышь меня, великая природа! Взываю к каре божией твоей. (*Указывая на Гонерилью*) Бесплодием ей запечатай чрево, деторождение в ней иссуши. А если дашь ребенка этой твари, то выродка лютейшего, чтоб мучил ее без жалости и без конца, чтоб изморщил молодость ее, изрыл лицо горючими слезами, чтоб радости и боли материнства в издевку обратил и в едкий смех, - чтобы почувствовала на себе, насколько злей змеиноного укуса неблагодарность детища.

ШУТ. О боги милосердные, что это?

ГОНЕРИЛЬЯ. Да не доискивайся ты причин, пускай себе блажит и кипятится. Не обращай вниманья на него: старик впадает в детство.

ЛИР. Жизнью и смертью клянусь, мне стыдно, что гадина способна оказалась мою мужскую твердость пошатнуть - что удостоилась ты слез моих. Окутайся ты гнилостным туманом, от головы до пят покройся вся проказою отцовского проклятья! Вы, старые и глупые глаза, еще посмейте плакать - и я вас вырву и выброшу со всею пролитой влагой, чтоб глину замесить! Ну что ж, пусть так.

Обессилевший Лир падает на снег, тело его сотрясает от беззвучного рыдания.

ГОНЕРИЛЬЯ. Да, а рассудок-то действительно дряхлеет... и жалок вид.

ШУТ. Такую дочку в лихую ночку в глухую бочку - и с бугорочка катнуть. И точка.

*Гонерилья злобно усмехается, скрывается за частоколом.
Шут бросается к Лиру, пытается вернуть его в чувство.*

ШУТ. Дяденька Лир, погоди. И Шут с тобой, дяденька Лир, шут с тобой! Сейчас, сейчас...

ЛИР (*как в забытьи*). Седлать коней... Народ мой едем...Эй, эй, пошли! В путь - на ярмарки, на базары, на храмовые праздники... Смотрите! Даже собачонки -Трей, Бланш и Милка - лают на меня... На Короля... Король, и до конца ногтей – Король!

ШУТ. О, потерпите мой Король, сейчас, ваш Шут, ваш верный подданный исправит все...

Шут достает из кармана Лиры волчок, начинает раскручивать его.

ЛИР (*как в забытьи*). Вас, сэръ, я зачислю в сотню моих рыцарей. Только мне не нравится покрой вашего платья. Вы скажете, что это персидское одеянье? Однако его надо переменить.

Шут раскручивает волчок сильнее, вокруг волчка образуется небольшой вихрь из снега.

ЛИР. Не шумите, не шумите; задерните полог. Так, так, так. Ужинать мы будем утром. Так, так, так.

Волчок раскручивается еще сильнее и вихрь становится больше. Вскоре вихрь из снега скрывает собой Лиру и Шута. Вихрь подхватывает частокол, разламывает его на части и уносит высоко в небо.

Картина седьмая.

Дикое поле покрывает снег.

Где-то вдали, из огромных сугробов торчат обгоревшие башни бывших замков, изувеченные огнем верхушки деревьев, чернеют пятна бывших деревень. Посреди поля сидит Шут держа у себя на коленях голову Лиры, укрывает его своим плащом.

ЛИР (*бредит*). Этот рекрут держит лук, точно ворон пугать собрался. Ты оттяни тетиву на весь аршин. - Смотрите, мышь! Тише, тише - кусочек сыра в мышеловку. - Вот рукавица какова! И великану бросим вызов. - Алебарды вперед! - О, ловко стрелка полетела. Фью-у! В самое яблоко. - Говори пароль.

ШУТ. Кукушкины слезы.

ЛИР (*бредит*). Проходи.

ШУТ. Приди в себя же, Лир, о, дядюшка...

ЛИР (*бредит*). Что?.. Они юлили передо мною, как собачки. Еще и черной бороды у меня не было, а уж величали меня мудрецом седобородым. Что ни скажу, всему поддакивали и поднекивали. А это не по-божьему... Но как промерз я, да застучал зубами на ветру, как загремело сверху да не захотело замолчать по моему приказу - тут-то я учуял правду, тут-то раскусил их. Пустобрехи они. Всесильным меня звали, а я бессилён против лихорадки.

ШУТ. О, бедный мой Король...

ЛИР (*бредит*). Король, от головы до ног король я. Мой взгляд бросает подданного в дрожь. Вот видишь. - Дарю тебе жизнь. В чем ты виновен? В прелюбодеянье? И только-то? Ну нет, ты не умрешь: пичуга малая, золотая мушка - и те блудят открыто. Творите блуд - ведь Глостеров ублюдок к отцу добрей, чем дочери мои, зачатые на простынях законных. Все в малу-кучу! Совокупляйтесь! - мне нужны солдаты. Вон у жеманной дамы

лицо пророчит снег в развилке ног. Уж так чиста, что ей про наслаждение и не упоминай. Так вот она хорихи похотливей, и кобылицы раскормленной ярей. Вот что такое женщины - кентавры, и богова лишь верхняя их часть, а ниже пояса - все дьяволово. Там ад и мрак, там серная геенна смердит, и жжет, и губит. Тьфу, тьфу, тьфу. Дай, друг аптекарь, баночку цибету - воображение проароматить. Вот тебе деньги.

ШУТ. Позволь поцеловать мне эту руку.

ЛИР. Прежде дай вытру. От нее тленьем несет.

ШУТ. О разум рухнувший! Так и весь мир великий сотрется в прах... Не узнаешь меня?

ЛИР. Глаза-то мне знакомы. Что шуришься, подмигиваешь мне?

ШУТ (*про себя*). Кто рассказал бы мне, я не поверил бы. Но это правда, и разбивает сердце мне она. (*Лиру*) Я щурюсь от того, Король мой, что слезы острые заволокли мне очи. И я теперь, как Глостер слеп, которому вырвало глаза твое отродье.

ЛИР. Ба, вон оно что! Ни глаза не видят, ни денег в кошельке? Кошлю легко, а глазкам тяжко? Но видишь небось, какие дела в этом мире?

ШУТ. Не вижу - чувствую.

ЛИР. Как это не видишь? Спятил, что ли? Дела какие, видно и без глаз. Ты ушами гляди: видишь, вот тот судья орет на мелкого воришку. А дай шепну в ушко, а поменяй местами - раз, два, три, - и разберешь, который вор и где судья? Видел ты, как дворовый пес рычит на нищего?

ШУТ. Видел, сэр.

ЛИР. И как тот послушно убегает? Вот он, великий образ власти: повинование псу, поставленному на должность... Ты, сукин сын служака приходской! Зачем ты площадную эту шлюху в кровь исстегал плетьюми? Себя секи! Ведь у тебя у самого к ней похоть. Мошенник крупный мелкого казнит. Порок малейший виден сквозь лохмотья, а мантия и шуба скроют все. Нет законопреступников на свете. Нет, говорю. Всех выкупаю, всех!

ШУТ. Значенье с несуразицею в смеси! Разум в безумии!

ЛИР. С плачем приходим все мы в этот мир. Родившись и нюхнувши этот воздух, заходимся мы криком. Слушай вот, я проповедь скажу.

ШУТ. О горе, горе!

ЛИР. О том мы плачем, что пришли на сцену всемирного театра дураков... Погодите, еще верну себе я прежний облик, еще меня узнаете, увидите - я верну ту власть, с которой, думаешь, расстался я навек! Увидишь, я клянусь!.. Обую в войлок сотню лошадей - и на зятьев! Без шума! И, подкравшись, бей, режь, руби, круши!

Появляется Корделия, она, на длинных, грубо свитых веревках тянет за собой собранные в погребальный костер дрова (ветки деревьев, сломанные бурей). Веревки очень длинные, поэтому сначала появляется Корделия, и только потом, как парашют на стопах появляются собранные дрова. Корделия, по-девичьи ласково поет «Марсельезу», останавливается, снимает упряжь из веревок.

ШУТ. Сэр, ваша любящая дочь...

ЛИР. И нет спасения? Уже в плену я? О, у судьбы я в горьких дурачках. Не мучайте меня. Я дам вам выкуп. Мне нужен врач. Я ранен в самый мозг... И подмоги нету? Одним-одним? Нет, я пойду на смерть нарядный, как жених. Долой печали! Король я. Господа, не забывать!

ШУТ (*про себя*). Последнего бродягу пожалеешь, пришедшего в такой ужасный вид. А что уж говорить о короле! Меньшая дочь твоя одна, быть может, спасает природу от вселенского проклятья, что навлекли две старшие...

КОРДЕЛИЯ. Что сделалось с тобой отец мой милый?..

ШУТ. Плещет в нем безумье, как рассерженное море. Репейником себя короновал, крапивой, дремой, дикой дым-травой, болиголовом и другим быллем, которым порастают перелогии.

КОРДЕЛИЯ. Переодеть его в державные одежды, не гоже ему, даже немощному находить себя в лохмотьях. Его одежда – память дней печали, а он – Король! И до конца ногтей Король, отец мой!

ШУТ (*про себя*). Видно, звезды, да, звезды в небе нами управляют; иначе не могла б одна чета рождать таких детей различных!

Корделия выходит вперед скрывая собой Шута и спящего Лиру. Шут укладывает Лиру на ветви, переодевает его.

Скажи мне, сумеет человеческая мудрость ему вернуть рассудок? Я отдам все, чем богата, только б исцелили.

ШУТ. Есть, государыня, целитель - сон. Чтoб вызвать сон, есть действенные травы, способные смежить глаза тоски.

КОРДЕЛИЯ. Все земляные тайны, силы, соки благие - брызните слезой моей и уврачуйте горького страдальца! Дорогой отец мой. Не о себе забочусь - о тебе. Я защищаю попорченную старость, и потому не злая кровь, не жажда власти движут мной - любовь, любовь к отцу. Благие боги! Восставьте раненое естество и заново настройте струны мозга отцу, истерзанному дочерьми. Одна уж этих прядок белизна должна была бы сердце в них растрогать. О светлый лик! Тебя ли, в хрупком шлеме седин, бросать под вихревой удар, в грохочущие ужасы грозы, в стремглавых молний пламена косые? О бедный воин, посланный на смерть! В такую ночь я к очагу пустила б собаку, искушавшую меня. А ты был рад и на гнилой трухе, в свином хлеву, с бродягами... О горе! И как еще не сгасло сразу все: сознание, жизнь... Боги, настройте вы расстроенные чувства отца, что стал ребенком.

ШУТ (*подойдя*). Будить пора бы...

КОРДЕЛИЯ. Он переодет?

ШУТ. Да, государыня. Надел на спящего державные одежды. Вы будьте рядом. Я не сомневаюсь - Король проснется мирен.

Корделия опускается на колени и целует руку Лиру.

КОРДЕЛИЯ. О дорогой отец мой! Этих губ благоговейное прикосновение пусть заживит зияющие раны, сотрет следы жестокости сестер.

ШУТ. Как ласкова ты, наша королева!

КОРДЕЛИЯ. Он просыпается. Заговорите с ним.

ШУТ. Целебней будет вам заговорить.

КОРДЕЛИЯ. Ваше величество, как вам спалось?

ЛИР. Не троньте, дайте полежать в могиле. Ты - райская блаженная душа; А я в аду: ломают, колесуют на круге огненном, и жжет слеза расплавленным свинцом.

КОРДЕЛИЯ. О государь, меня вы не узнали?

ЛИР. Ты - из рая.

КОРДЕЛИЯ. Все бредит, бредит!

ШУТ. Он не совсем проснулся. Погодите.

ЛИР (*Шуту*). Где был я? Где я? Ясный день вокруг. Над человеком так нельзя глумиться. Неужто вам не жаль меня? Не смейтесь надо мной. Я глуп, я стар, мне за восемьдесят... ни часом больше, и ни меньше... И надо напрямик сказать - я, видно, не в себе. Как будто бы узнал я вас, но сомневаюсь - ибо не пойму я, куда попал, и, хоть убей, не вспомню одежды этой - и где ночевал. Не смейтесь только, но мечом поклялся б: она - моя Корделия.

КОРДЕЛИЯ (*сквозь слезы*). Да! Да!

ЛИР. А слезы твои мокры? Мокры впрямь. Не плачь, не надо. Яду дашь - я выпью. И как меня любить? Ведь, помню, сестрам твоим я ненавистен без причин. А у тебя причина есть.

КОРДЕЛИЯ. Нет! Нет причины!

ЛИР (*Корделии*). Не суди меня. Забудь, прости - ведь я старик, дурак. О силы неба! Отрекся я от мира и пред вами великую свою слагаю скорбь. Когда б ее сносить я дольше мог, всеильной вашей воле не противясь, тогда фитиль моей постылой жизни сам догорел бы.

Лир падает наземь, сворачивается в клубок.

ШУТ (*Корделии*). Великий стыд гнетет его; жестокость, с какой он вас лишил благословенья, в чужой, опасный мир прогнав и отдав все права с собачьими сердцами дочерям, - так все это зовит его, что жгучий стыд мешает ему обнять вас.

Корделия подходит к отцу, берет его голову в свои руки.

КОРДЕЛИЯ. Не первые мы будем, кто жертвой стал, желая блага людям. Глядела смело бы в глаза судьбе, когда б не горевала о тебе. Прости меня, отец, тебя я не должна была оставить на радость сестрам, им на растерзанье. Не в силах я теперь исправить тот жизни бег, и вспять его направить, былого не вернуть. Но здесь клянусь, на этом самом месте, и не сойти с него мне если вру, тебя теперь я не оставлю, все разделю с тобой и холод, нищету и голод, с тобою буду, и с тобой умру.

ЛИР. Такие жертвы, милая, в самих богах благоговенья вызывают, и боги жертвам возносят сами фимиам. (*Обнимает Корделию*) Поймалась в мои руки! И не разлить теперь водою нас, не разлучить огнем и дымом. Да не плачь, голубка. Не плачь! Чума сожрет их с мясом, с кожей прежде, чем нас они заставят плакать. Раньше они подохнут. Попросишь у меня благословенья - я у тебя, коленопреклонен, прощенья попрошу. Так жить мы станем - с молитвой, с песенкой, со старой сказкой, - злаченым радоваться мотылькам.

ШУТ. Ну, что ж вы развели повсюду слякоть, не время плакать! Приказываю слезы утереть, хоть и не в праве приказать. Мой Лир, волчок нас ждет, крути, - последний оборот вернет все на свои места!

ЛИР. Корделия, вернемся в день тот, когда тебя изгнал из государства, и сестрам я твоим раздал все земли, которыми я правил много лет. Раздел земель мы там переиграем, а на владенья Гонерильи и Реганы я наложу запрет. Изменишь ты свои слова, и перед всем скажешь, как любишь ты меня.

КОРДЕЛИЯ. Но мой отец...

ЛИР. Не время говорить! Исправим все!

Лир раскручивает волчок, вокруг волчка образуется небольшой вихрь из снега, волчок раскручивается и вихрь становится больше. Вскоре вихрь из снега скрывает собой Лиру, Шута и Корделию.

Картина восьмая.

Буря танцует в диком поле. Снег, то вихрем кружится, то мечется из стороны в сторону назад-вперед; то затихает, и внезапно снова обрушивается шквалом.

В центре бури неподвижно стоит Шут.

Со всех четырех сторон света появляются Лир, Корделия, Гонерилья и Регана. Все четверо на длинных веревках тянут за собой ветви деревьев, сложенные для

погребального костра, будто четыре гроба. Все сходятся так, чтобы ветви соединились в единое целое. Буря затихает.

ЛИР. Сейчас мы давний замысел откроем. Подать мне карту (*Шут подает карту*). Знайте, что разделили на три части мы королевство, твердо порешив сложить обузу дела и забот со старых наших плеч на молодые, чтобы остаток лет проковывать без всякой ноши. Дочери мои! Мы ныне вам передаем и землю, и власть, и управление страной и услышать хотим из ваших уст, которая из трех нас больше любит? Тогда щедрее наградим мы ту, чьи качества природные заслугой возвысятся, сильнее. Гонерилья, ты, как старшая, будь первой.

Гонерилья выходит вперед, ее проходка напоминает прохождение звезд по красной ковровой дорожке.

ГОНЕРИЛЬЯ. Государь, мою любовь словами не опишешь. Я вас люблю, как жизнь с ее красотой, свободой, властью, почестью, здоровьем. Превыше воздуха, всего, что ценно, редко, прекрасно, как красота и честь, как только может дочь любить отца; Вы мне дороже глаз, дороже всех соковок и чудес. Такой любовью еще любимы не были отцы. Любовью, при которой речь смолкает, дух занимает, рвется голос мой; Не передать моей любви безмерность!

КОРДЕЛИЯ (*про себя*). Как быть Корделии? Любить. Молчать.

ЛИР. От сей черты и по сию черту будь госпожою всех лесов тенистых, щедрых равнин, широководных рек и пажитей раздольных. Твоему и герцога Олбанского потомству владеть сим вечно.

ГОНЕРИЛЬЯ. Спасибо, это такая честь для меня... Я бы хотела поблагодарить всех, кто эти годы был рядом со мной, моего папу, моих сестер... простите я так волнуюсь... это так неожиданно для меня...

Гонерилья делает вид, что плачет, кланяется перед зрителем, посылает воздушные поцелуи, проходит на свое место.

ШУТ (*Лиру*). Что делаешь ты, мой Король? Ты снова на те же грабли наступаешь!

ЛИР (*Шуту*). Спокойно шут, не тебе меня учить. Ведь дочери не знают, что приготовлено для них. Когда Корделия скажет свое слово, я все отдам ей, оставив этих змей без нор! (*Громко, Регане*) Что скажет нам вторая дочь, любезная Регана? Слушаю тебя.

Регана выходит вперед, ее проходка напоминает прохождение звезд по красной ковровой дорожке.

РЕГАНА. Я из того же сделана металла и одинаковой цены с сестрой. Я чувствую всем сердцем – она мою любовь вам описала. Но я к ее словам еще прибавлю: противны мне все радости иные, какие есть в богатом мире чувств; одно блаженство для меня - в любви к вам, государь!

КОРДЕЛИЯ (*про себя*). О бедная Корделия! Выходит, что ты скудна любовью? Но нет, богата – моя любовь сильнее слов моих.

ЛИР. Тебе с потомством навсегда в наследье даем мы эту треть страны, пространством, и красотой не меньше, чем Гонерилья часть.

РЕГАНА. Благодарю! Это большая для меня честь – стоять сегодня здесь. Это огромная ответственность! Не знаю, оказалась бы я здесь без поддержки нашего народа. Поэтому, я хочу передать привет и слова благодарности всем своим крестьянам, и холопам! Ребятки, готовьтесь, нас ждет незабываемое время!

Регана фальшиво улыбается, и меняет позы, будто ее фотографируют сотни фотокамер. Проходит на место.

ШУТ. Боюсь я, что дочери твои кусок теперь свой не отпустят, и если надо будет – отхватят и с твоей рукой! Беззубым ртом откусят!

ЛИР. Я здесь Король, и только я! И без твоих советов обойдусь спокойно.

ШУТ. С начала ваших бед я шел за вами по скорбному пути. Никто другой.

ЛИР. Благодарю, покорно, друг мой дорогой, ну, а теперь заткнись.

(Громко, Корделии) А что ж отрада наша, последышек наш, наша радость – последняя, не меньшая, – чье сердце – предмет любви и спора лоз французских и молока бургундского, что скажешь, чтоб долей превзойти сестер? Что скажешь ты, чтоб долю получить завидней прочих?

КОРДЕЛИЯ. Ничего не скажу, государь.

ЛИР. Ничего?!

Неожиданно гремит гром!

КОРДЕЛИЯ. Ничего.

ЛИР. Из ничего не будет ничего. Веди речь сызнова, да поразумней.

ШУТ. Спокойней, государь, прошу вас...

ЛИР *(Корделии)*. Подумай и скажи!

КОРДЕЛИЯ. К моей досаде горькой, не способна я душу выворачивать свою, не в силах и в уста вложить я сердце. Люблю ваше величество, как дочь должна любить, ни больше и ни меньше.

ЛИР. Эй, эй, Корделия! Поправь ответ, чтобы не покривить своей судьбины.

Снова гремит гром!

Вместе с монологом Корделии начинает выть ветер, будто сам Лир раздувается от злости.

КОРДЕЛИЯ. О милостивый повелитель! Вами я рождена, взлелеяна, любима – и я, как вашей дочке подобает, люблю вас, чту вас, повинуюсь вам. Зачем же сестры выходили замуж, когда, по их словам, вся их любовь вам безраздельно отдана? Ведь если вступлю я в брак, то взявшему меня достанется, уж верно, половина моей заботы и моей любви. Выходишь замуж, так не надо клясться, что будешь одного отца любить.

ЛИР. И ты это от сердца говоришь?

КОРДЕЛИЯ. Да, государь.

ЛИР. Так молода и так черства душою?

КОРДЕЛИЯ. Так молода и так правдива сердцем.

Ветер становится сильнее.

ШУТ. Но ведь сказала дочь, что любит вас, и повинуется и почитает?! Что надо вам еще?

ЛИР *(Не слушая Шута)*. Быть посему. Пусть прямота твоя тебе приданым служит. Ибо ныне клянусь священными лучами солнца и таинствами ночи и луны, клянусь влиянием святых небесных, которые несут нам жизнь и гибель, что отлучаю навсегда от сердца и отрекаюсь от родства с тобой и кровной связи. Отныне ты любви моей и мне чужда навеки! Скорее варвар скиф, скорей дикарь, своих родителей со вкусом жрущий, приближен и обласкан будет мной, чем ты, бывшая дочь.

Начинается снежная буря, гремит гром, дует ветер. Шут, ели держась на ногах, пытается подойти к Лиру, но его сносит ветер.

ШУТ. Мой добрый повелитель! Измени решение! Ты видишь, все начинает рушиться, мы пропадем с тобой и с дочерьми во мраке бури снежной.

ЛИР. Молчать! Нестановися меж драконьим гневом и нечестивой жертвою его. Она была любимицей моею, у ней я думал обрести себе покой, довериться ее заботе нежной. *(Корделии)* Прочь с глаз моих! Да будет мне жестка земля могилы, коль отлучение свое сниму. А вы, Гонерилья и Регана, к своим частям прибавьте третью долю, а ей будь мужем то высокомерье, которое она зовет своим чистосердечьем. Вам передаю всю власть, все привилегии мои и все права, присущие монарху. Мы, со свитой из сотни рыцарей, постановляем жить по месяцу у каждого из вас - поочередно. Я удержу лишь королевский титул и почет, а власть, казну и все бразды правленья вам отдаем, дочерьям моим, и в подтверждение - вот вам корона. Делите пополам.

Сестры бросаются к короне.

ГОНЕРИЛЬЯ. Случилось все – мы будем вместе править!

РЕГАНА. Подумай лучше, что делать нам с отцом? В его годах и титуле есть чары...

ГОНЕРИЛЬЯ. Они привлечь сердца народа могут и наши копья обратить на нас же.

РЕГАНА. Нет. Поняла я. Один сидит на троне, и народ сжимает он в один кулак! И это буду – я!

ГОНЕРИЛЬЯ. Полно, полно! Не верь своим глазам: они косят.

Дерутся за корону. Буря не утихает, а только становится сильнее.

ШУТ. Державный Лир! Кого всю жизнь я чту как короля и, как отца, люблю; как господину служу, как о заступнике молюсь... Послушай, перемени решение, останови же бурю! Ведь если колесо судьбы свой круг свершит, то больше ничего назад нам не вернуть во веки!

ЛИР. Натянут лук; не суйся под стрелу.

ШУТ. Спускай же тетиву, пускай пронзит мне сердце. И прочь учтивость, когда король лишается ума. Старик, ты что затеял? Что хочешь сделать, старец? Ужель ты думал, что молчать я стану, видя, как, спутанная лестью, гибнет власть? Долг вынуждает честных к прямоте, когда величие впадает в глупость. Поспешность безобразную отбрось, одумайся, не отдавай правленья, престол свой сохрани! Ручаюсь жизнью, дочь младшая тебя не меньше любит, хоть негромки ее слова. Лишь пустодушье гулко.

КОРДЕЛИЯ. Государь мой! Пусть не речиста я, пусть неподвластно мне лживое искусство похвальбы - я раньше делаю, хвалюсь потом, - простите, что у меня нет льстивых слов для вас, и вечно сладких и просящих взоров. И рада я, что нет. И в этом вся моя провинность.

ЛИР. Ох, лучше бы тебе и не родиться, чем меня прогневать!

ШУТ. И только-то вины? За что ж карать? За сдержанность природы, нежеланье рядить поступки в пышные слова?

ЛИР. Нам не нужна такая дочь. Пусть навсегда погрузится она в безлюбное забвенье без нашей ласки, без благословенья.

Гремит гром.

РЕГАНА. Идем же заодно против врага. Семейные и личные раздоры здесь ни при чем.

ГОНЕРИЛЬЯ. Ой, ой, я чувствую подвох здесь! Где правды нет – в тебе нет смелости! Темна, мутна, черна твоя водица.

РЕГАНА. Допустим. Ну и что? Я неподсудна. Законы здесь мои, а не твои.

ГОНЕРИЛЬЯ. Мои законы здесь так же властны, как и твои!

РЕГАНА. Миледи, дурно мне, - не то бы я сумела вам ответить.

ГОНЕРИЛЬЯ. Иначе я не стала б верить в яд.

Сестры дерутся за корону, отходя к сложенным веткам.

ШУТ. Подумай, ведь не ее ты губишь, а себя! Все прахом и пойдет, ты если не изменишь решения своего, державный Лир!

ЛИР. Замолкни, если жизнью дорожишь. С ее словами я не в силах примириться! Прочь! Скройся с глаз моих!

ШУТ. Опомнись, Лир! Дай мне твоим остаться верным оком.

ЛИР. Во имя Аполлона...

ШУТ. Понапрасну припутываешь ты сюда богов.

ЛИР (*Хватается за меч.*). Что, богохульник? Ну постой, холоп, о раб неверный!

КОРДЕЛИЯ. Сдержитесь, государь.

ШУТ. Нет, отчего же. Убей врача, а плату передай недугу злому... Не отдавай короны! Покуда не порвутся связки горла, все буду я вопить: не отдавай престол, ты сделал худо! И дальше не закрутится волчок!

ЛИР. Все ложь!

Гремит гром!

РЕГАНА. Мне дурно, дурно. Ах, золоченая змея, меня ты отравила?

ГОНЕРИЛЬЯ (*смеясь*). Не спрашивай меня про то, что знаю.

РЕГАНА. Так получай и ты подарок мой...

*Регана бьет ножом Гонерилью, они вместе оседают на связки ветвей.
Корделия бросается к ним.*

КОРДЕЛИЯ. Откуда нож в крови? Дымится кровью он! Из сердца вырван!

ШУТ. Она мертва!

ЛИР (*не оборачиваясь*). Кто умер, говори же!

ШУТ. Дочьваша! И отравила перед тем сестру.

КОРДЕЛИЯ. Ох, власть была любима ими так, что извела одна сестра другую.

ШУТ. Остановись, мой Лир, уж хватит смерти! Она настигнет всех нас – час настал, все рушится, уходит, как песок сквозь пальцы!

ЛИР. Внимай, крамольник. Внимать мне – долг твой! Ты хотел заставить нас нарушить клятвы наши, доселе нерушимые, хотел, в своей надменной гордости, чинить препоны ходу наших повелений. Чего терпеть не может ни натура, ни сан монарший. Получай же кару. Пять дней даем тебе - собирай суму, готовься к лютым бедствиям чужбины, ана шестой проваливай! В дорогу! И если на десятый день найдут здесь в королевстве след твоей ноги, то будешь схвачен и казнен. Клянусь Юпитером - незыблем приговор.

ШУТ. Хорошо, тебе я повинуюсь! Прощай, король. Для честного отныне изгнание - здесь, а воля - на чужбине! Но измени решение свое, любимой дочери ты земли, что сулил – отдай! Вглядись в ее глаза, они ясней лазури! Все переменится, увидишь сам! И в твоей жизни, Лир, не будет больше бури!

ЛИР. Нет, слово Короля не изменить! И даже Королю! Он не Король тогда – плешивый старец! А для глухих еще раз повторю: Корделия, отныне ты любви моей и мне чужда навеки! Да будет мне жестка земля могилы, коль отлучение свое сниму.

*Резкий порыв ветра, Корделия падает в снег. Буря резко стихает.
Долгая пауза.*

ШУТ (*Настороженно*). Уж не конец ли это мира?..

Лир оборачивается, видит лежащую Корделию, подходит к ней, опускается перед ней на колени. Долгая пауза.

ЛИР. О, войте, войте! Вы из камня, люди! Имей я столько глаз и языков - небесный свод бы треснул!.. Бездыханна! Она мертва!.. Я отличу, где смерть, где жизнь: она мертвей земли! Ее уж нету. Вы зеркало мне дайте, и если затуманится стекло - она жива.

ШУТ (*про себя*). Предвещенный конец приходит света... Его прообраз! Гибель! Разрушенье! Распад и смерть!

ЛИР. Она жива! Перо зашевелилось! О, если так - искуплены все муки, что вынес я!

ШУТ. Мой бедный господин, ты думаешь об искупленьи...

ЛИР. Прочь отойди! Чума на вас! Изменники! Убийцы! Я б мог ее спасти... и вот – мертва! Корделия, Корделия, помедли! А! Что? Что ты сказала? - У нее всегда был тихий, нежный, милый голос - большая прелесть в женщине.

ШУТ. Все - грусть, и мрак, и смерть! Вы сами виноваты... все – грусть, и мрак, и смерть...

ЛИР. Нет, жизни нет!.. Мертва! Мертва! Мертва!.. Зачем живут собаки, лошадь, крыса - в тебе ж дыханья нет?!... Ты не вернешься никогда, ушла на век!.. (*в зал, тихо*) Вы видите? Взгляните на нее; Смотрите же... ее уста... Смотрите же... Смотрите...

Лир медленно оседает рядом с телом Корделии. Воцаряется звенящая тишина.

ШУТ. Государь!.. Он чувств лишился... Откройте ж очи, Государь... (*Шут бросается в Лир, хватая его за руку проверяя пульс*) О сердце, разорвись же! Государь!.. (*отходя от тела, плача*) Не надо... Не мучай дух его. Дай отойти ему ты с миром!.. Только враг захочет ему продолжить пытку... Умер!.. Не мучь его, не вздергивай опять на дыбу жизни... Жизнь эта призрачной была. (*долгая пауза, после обращаясь в зал и переходя в крик исступления*) Возьмите мертвых! Ну же... усопших унесите... Нам же надо думать об общих горестях! Возьмите мертвых! Ну же... Усопших унесите... Настал наш общий траур... возьмите мертвых... усопших унесите... возьмите мертвых... усопших унесите... предайтесь скорби, с чувствами не споря... (*успокоившись, тихо*) Всех больше старец видел в жизни горя. Нам, младшим, не придется, может быть, ни столько видеть, ни так долго жить...

*Шут медленно укладывает на ветви тела Гонериллы, Реганы, Корделии и Лиры.
Какое-то время он смотрит на них, затем оборачивается к зрителю, достает спичку.*

ШУТ. Нас давит горе. Скорбных слез ручей взамен степенных траурных речей. Король наш принял муку... Так жестоко... нам не страдать и не прожить нам столько... и мне... мне надо в путь... Хозяин старый мой идти повелевает за собой...

*Шут ложится в один ряд с умершими, чиркает спичкой. Темнота.
В темноте громко звучит звук горящего костра.*

Конец.

Минск, 2016 г.

Д. Богославский

Dm.bqslvsk@gmail.com

Моб. +375 (29) 572 79 19